

Е. И. КИЙКО

БЕЛИНСКИЙ И ДОСТОЕВСКИЙ ОБ УТОПИЧЕСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Тема «Белинский и Достоевский» уже неоднократно привлекала к себе внимание историков литературы. Полнее всего идеологические и творческие взаимоотношения Белинского и Достоевского исследованы в книге В. Я. Кирпотина, второе издание которой, дополненное новыми исследованиями, вышло в 1976 г.¹

Выделим из этой обширной темы только одну проблему, а именно отношение Белинского и Достоевского к утопическому социализму, так как именно эта проблема, с моей точки зрения, определяла характер идейного притяжения и отталкивания критика и писателя. В последние годы тема особой привлекательности для Достоевского христианской окраски западных утопий рассмотрена в ряде работ В. Е. Ветловской.²

* * *

В мае 1845 г. Белинский прочитал роман «Бедные люди», вызвавший у него восторженную оценку, и познакомился с его автором — Достоевским, который сразу же был введен в кружок литераторов, группировавшихся вокруг «Отечественных записок». Все это свидетельствовало о том, что первое произведение молодого писателя соответствовало идейно-художественным требованиям, которые предъявлял в это время к литературе Белинский.

Действительно, «Бедные люди» создавались в период, когда сам Белинский и его ближайшие единомышленники увлекались идеями утопического социализма. Еще 8 сентября 1841 г. критик писал В. П. Боткину: «...я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания». В том же письме Белинский выражал уверенность, что придет время, когда «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди».³

¹ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. 2-е изд., доп. М., 1976.

² См.: Ветловская В. Е. 1) Идея Великой французской революции в социальных воззрениях молодого Достоевского // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 282—317; 2) Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 224—269, и др.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1956. Т. 12. С. 66, 71. Далее цитируется это издание с указанием в тексте тома (римскими цифрами) и страницы.

Одним из источников идей утопического социализма в России были произведения Жорж Санд.⁴ Впоследствии Достоевский иронически заметил, что тогдашние правители поступили недальновидно, допустив в 1830—1840-х гг. широкое распространение романов Жорж Санд, и это тогда, когда «остальное всё, чуть не всякая мысль, особенно из Франции, было строжайше запрещено», и «вот тут-то именно на Жорж Занде, оберегатели дали тогда большого маха» (23, 32).

В «Отечественных записках» печатались не только переводы романов Жорж Санд, но и ее сочинения литературно-критического жанра. Так, в 1843 г. в этом журнале была напечатана статья Жорж Санд об «Обермане» Сенанкура, в которой содержался призыв к писателям сосредоточить свое внимание на «раскрытии сокровенных страданий человеческой души (...) представить в сценическом воплощении загадочные трагедии тех вечных человеческих страданий, которые не замечает глаз, но обнаруживает мысль». Жорж Санд утверждала при этом, что человеческая душа «озлоблена и замкнута только перед лицом общества, в котором царит угнетение».⁵

Высоко оценив гуманизм Жорж Санд, сказав, что ее создания трепещутся «симпатиею к человечеству, любовью к истине» (VI, 279), Белинский писал: для Жорж Санд «существует только человек — и она находит человека во всех сословиях, во всех слоях общества, любит его, сострадает ему, гордится им и плачет о нем» (V, 175).

Достоевский также увлекался романами Жорж Санд. Определяя значение творчества Жорж Санд для эпохи своей юности, Достоевский утверждал: «... всё то, что в явлении этого поэта составляло „новое слово“, всё, что было „всечеловеческого“, — всё это тогда же в свое время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением...» (23, 32).

Нет сомнения, что Достоевский читал все произведения Жорж Санд, печатавшиеся в «Отечественных записках», и все то, что там о ней говорилось.⁶ Нет сомнения также и в том, что общественно-литературная позиция этого журнала, во главе которого стоял Белинский, была ему близка. Именно поэтому он и показал Некрасову первому свой роман. В «Бедных людях» в художественной форме Достоевский воплотил те идеи, которые Белинский пропагандировал в своих статьях. Это обстоятельство Достоевский отметил дважды. Первый раз в письме к брату от 8 октября 1845 г.: «Я бываю весьма часто у Белинского, — писал автор «Бедных людей». — Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне доказательство перед публикою и оправдание мнений своих» (28, 113). И во второй раз много лет спустя в «Дневнике писателя» 1877 г., когда пересказывал отзыв Белинского о своем первом романе: «Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем,

⁴ См.: Комарович В. Л. Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 3—43; Нецаева В. С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество (1842—1848). М., 1967. С. 35—67; Идеи социализма в русской литературе. Л., 1969. С. 104—113.

⁵ Отечественные записки. 1843. № 6. Отд. VII. С. 26, 33.

⁶ См.: Кийко Е. И. Достоевский и Жорж Санд // Acta Literaria Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. Т. 24 (1—2). P. 65—85.

мы словами стараемся разьяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть (...) чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг всё понятно!» (25, 30).

Под влиянием мыслей, навеянных чтением «Бедных людей», Белинский написал в одной из рецензий этого времени: «Люди — братья друг другу, хотя неразумность их отношений и делает их естественными врагами. Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей!» (IX, 175).

Итак, можно утверждать, что в тот момент, когда Белинский и Достоевский познакомились, их объединяли общегуманистическая позиция и мечта о золотом веке человечества. Однако уже в начале 1840-х гг. Белинский не верил в то, что мечта эта осуществится мирным путем. Он утверждал: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови» (XII, 71). Кроме того, ратуя за свободное, основанное на разумных началах человеческое общество, Белинский стремился найти для своей мечты историческое обоснование. Об этом он писал в том же письме к В. П. Боткину, в котором сообщал о своей приверженности к социализму: «Не думай, чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории — вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века (...) но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время необходимо, но что теперь глупо и пошло» (Там же).

Высказав мысль о необходимости нового, социалистического устройства общества, подготовленного объективной закономерностью исторического развития человечества и в результате революционного переворота, Белинский разошелся со всеми существовавшими в то время теориями утопического социализма.

Критическое отношение к слабым сторонам утопического социализма в значительной степени определялось движением мысли Белинского от идеализма к философскому материализму. Этому процессу способствовало знакомство критика с книгой Л. Фейербаха «Сущность христианства», с работами К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К европейскому вопросу» и Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии». Под влиянием прочитанного Белинский писал Герцену 26 января 1845 г.: «Истину я взял себе — и в словах *Бог и религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» (XII, 250).

В последние годы жизни критика изменилось и его отношение к Жорж Санд, романы которой теперь, в 1847 г., он сравнивал с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя, а взгляды французской писательницы на народ отождествлял со славянофильскими представлениями об идеальном крестьянине (XII, 462, 468). Достоевский, наоборот, от романов Жорж Санд перешел к чтению А. Сен-Симона, Э. Кабэ, Ш. Фурье и стал в конце 1846 г. петрашевцем. В показаниях по делу петрашевцев Достоевский писал: «Фурьеризм — система мирная; она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце тою любовию к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему (...) Привлекает к себе она не

желчными нападками, а воодушевляя любовью к человечеству. В системе этой нет ненавистей. Реформы политической фурьеризм не полагает; его реформа — экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собственность...» (18, 133).

То, что Достоевский был сторонником «мирного» социализма, обнаружилось и в «Бедных людях». Макар Девушкин — герой, который не протестует против общественного устройства; наоборот, существующий иерархический порядок кажется ему единственно возможным и справедливым. Достоевский стремился в первую очередь раскрыть в своих униженных и оскорбленных героях их нравственную красоту.

У Белинского пассивная покорность «бедных людей» вызвала протест. Критик писал, что гуманизм романа Достоевского окрашен в трагические тона, ибо эти «более хорошие нежели дурные» люди, попадая в «ложные, неразумные» общественные условия, становятся «ограниченными и смешными» и, что самое страшное, перестают замечать унижительность своего положения. Трагический элемент романа, утверждал критик, «тем поразительнее, что он передается читателю не только словами, но и понятиями Макара Алексеевича» (IX, 554).

Исходя из реалистического изображения действительности и психологии героев, исходя из гуманизма, которым был проникнут роман Достоевского, Белинский дал «Бедным людям» революционно-демократическое истолкование. Однако он понимал, что его истолкование, призывающее к активной борьбе за переустройство общества, не совпадает с авторским замыслом.

В этой связи интересно привести воспоминание самого Достоевского о том, что говорил по этому поводу Белинский: «„Да вы понимаете ли сами-то, — повторял он мне несколько раз (...) что это вы такое написали!“ (...) „Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали!“» (25, 30).

Обогатив своим первым романом натуральную школу новым художественным открытием — изображением сложного мира психологических переживаний *демократического* героя, Достоевский в дальнейшем разошелся с общим направлением творчества писателей, группировавшихся вокруг Белинского, и с самим критиком — революционным демократом.

Основа расхождений Достоевского с Белинским заключалась в различном понимании тем и другим социальной роли личности. Белинский считал, что христианская мораль с ее проповедью рабской покорности мешала пробуждению активности человеческой личности, без чего невозможно социальное переустройство общества. Об этом Достоевский писал впоследствии, в 1873 г., в «Дневнике писателя»: Белинскому «как социалисту (...) прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества» (21, 10).

Начав спор с Белинским по этому поводу в период создания «Бедных людей», Достоевский продолжал его всю жизнь.

Следует отметить, однако, что некоторые исследователи, в том числе и В. Я. Кирпотин, считают, что Белинскому удалось сделать Достоевского атеистом и приверженцем идеи революции. При этом В. Я. Кирпотин ссылается на заявление самого Достоевского, сделанное им в «Дневнике писателя» 1873 г.: «...я страстно принял всё учение его» (т. е. Белинского) (21, 12).⁷

При всем том это категорическое заявление противоречит идейной направленности «Бедных людей» и произведений Достоевского, написанных после этого романа.

Так, например, один из рассказов Достоевского 1848 г. «Честный вор» заканчивается словами повествователя, призвавшего читателей следовать заветам Христа, который «нас всех больше себя возлюбил» (2, 427).

О том, что творчество Достоевского после «Бедных людей» шло в русле идей утопического «мирного» социализма, отметил в 1849 г. и П. В. Анненков. К такому выводу он пришел, сопоставив рассказы Достоевского с «деревенскими повестями» Жорж Санд и найдя в них много общего.⁸

Арест, каторга, ссылка, пережитая в эти годы духовная эволюция не поколебали гуманистическую основу мировоззрения Достоевского и его веру в возможное братство людей. Новое в мировоззрении Достоевского заключалось в том, что теперь он нашел, как ему казалось, в самой действительности носителя христианско-социалистического идеала. Это, с его точки зрения, русский народ, для которого чувство братской солидарности является естественной основой нравственности, а воспитывалось это чувство веками, подкрепляясь примером подвижнической миссии Христа, православием.⁹ В «Дневнике писателя» 1881 г. он писал: «Я не про здания церковные теперь говорю (...) Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присутствующую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова» (27, 18—19).

Так, отмечая заслуги Жорж Санд перед человечеством, то, что «она (...) не хотела признать в буржуазии идеала» (24, 224) и была одной «из самых ясновидящих предчувственниц (...) более счастливого будущего, ожидающего человечество» (23, 36), Достоевский объяснял это тем, что французская писательница, не сознавая того, была «одной из самых полных исповедниц Христовых» (23, 37).

Достоевский воспринимал Христа как Бога. В то же время первостепенное значение для него имела недостижимо идеальная нравственная красота личности Христа и суть Его проповеди. Об этом Достоевский говорил в известном письме Н. Д. Фонвизину: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа (...) Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то

⁷ См.: Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 32, 51—57.

⁸ Современник. 1849. № 1. Отд. III. С. 5.

⁹ Об этом см.: Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 58—82.

мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28, 176).

Белинский также считал Христа «идеалом красоты», но человеческой, а не божественной. Христос был для критика-демократа историческим деятелем, который, как сказано в его письме к Гоголю, «первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» (X, 214).

Кроме того, Белинский, в отличие от Достоевского, противопоставил проповедь Христа церковным ее истолкованиям, в том числе и православным. В письме к Гоголю Белинский утверждал, что учение Христа «только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь» (X, 214). Противопоставив Христа церкви, критик-демократ сблизил его учение с духовными исканиями просветителей XVIII в. и в первую очередь — Вольтера. Он писал, что «смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века», что Вольтер — «сын Христа, плоть от плоти Его» (X, 214).

Достоевский был знаком и следил за развитием социалистических теорий, основывающихся на познании законов исторического прогресса, т. е. за тем направлением общественной мысли, которое обозначилось еще в 1840-х гг. и которому сочувствовал Белинский. В «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский отметил даже связь воззрений Белинского с идеями, которые пропагандировали представители I Интернационала, подчеркнув при этом «удивительное чутье его (Белинского. — Е. К.) и необыкновенную способность глубочайшим образом проникаться идеей» (21, 10). Достоевский готов был согласиться, что «логика» истории может привести западноевропейские страны после борьбы и пролития крови к атеистическому социализму. Однако, в отличие от Белинского, не выделявшего Россию из общего хода европейского развития, Достоевский считал, что его родине уготована иная судьба. Важно отметить, что над этими проблемами Достоевский задумывался еще в 1840-х гг. Так, в показаниях по делу петрашевцев он писал: «Я, может быть, еще объясню себе революцию западную и историческую необходимость тамошнего современного кризиса (речь идет о революции 1848 г. — Е. К.). Там несколько столетий, более тысячелетия, длилась упорнейшая борьба (...) А у нас? И земля-то наша сложилась не по-западному!». Там же Достоевский противопоставлял Запад, где «разрешается (...) пролетарский вопрос», России, у которой «нет пролетариев» (18, 123, 134).

Подводя некоторый итог своих размышлений о социализме, Достоевский писал в 1876 г.: «Коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека, но вместо самовольной любви нелюбимые берутся за палки и хотят сами отнять то, что им не дали не любившие их» (24, 164).

Достоевский готов был признать «реальность и истинность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейского потрясения». Но для того чтобы этот процесс закончился установлением социальной гармонии, «должны быть, — утверждал он, — открыты такие точные уже научные отношения между людьми и новый нравственный порядок». При этом, считал Достоевский, «новое построение

возьмет века. Века страшной смуты», и нет уверенности, что «массы», которые «рвутся раньше науки», не «ограбят». У Достоевского возникло опасение: «А ну как всё сведется лишь на деспотизм за кусок». Ему казалось, что существует более верный путь: «Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь». Правда, Достоевский тут же добавлял: «Чтоб любить друг друга, нужно бороться с собой», т. е. нравственно совершенствоваться (Там же).

В «Подростке» Версиров нарисовал картину атеистического «золотого века» европейского человечества. Это свободное общество явилось результатом «логики истории», «науки», пролитой крови, однако Версиров сделал тут же заключение, что счастье этих людей, хотя они и возлюбили друг друга, не может быть полным, так как «люди остались одни (...) великая прежняя идея (идея Бога и бессмертия. — Е. К.) оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил», они «разом почувствовали великое сиротство», поэтому свою «фантазию» Версиров завершил тем, что вернул людям Бога. Христос приходил к ним, «и тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался великий восторженный гимн...» (13, 378, 379).

С точки зрения Достоевского, душевная гармония невозможна без идеи Бога и бессмертия, без «закона любви», ибо «единым хлебом не будет жив человек». Люди не могут удовлетвориться конечным земным бытием по «законам науки». Им нужно ощущение своего высшего назначения (24, 165).

Пропагандируя и в своем творчестве, и в публицистике эту идею, Достоевский опять-таки полемизировал с Белинским, который верил в исторический прогресс, затрагивающий все народы, в науку и призывал «у себя, в себе, вокруг себя» «искать и вопросов и их решения» (X, 32). О бессмертии и о смысле жизни Достоевский спорил с Белинским еще в 1840-е гг.: критик, очевидно, пытался разрушить религиозные убеждения Достоевского. Об этом свидетельствует шутивно-иронический намек в письме Белинского к автору «Бедных людей»: «Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть Вас» (XII, 251).

Следует, однако, принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, то, что сам Достоевский всю жизнь сомневался и искал «научных» доказательств существования Бога. В последние годы жизни он пытался даже опереться в этом смысле на теории неевклидовой геометрии,¹⁰ и, во-вторых, что религиозные представления Достоевского не укладывались в рамки официального православия, о чем неоднократно писал в своих статьях К. Леонтьев. Так, например, противопоставив в статье «О всемирной любви» «благородно-смирненную» речь К. П. Победоносцева, произнесенную им в Ярославской епархии, тому, что говорил на пушкинских торжествах в Москве Достоевский, К. Леонтьев писал: «В речи г. Победоносцева Христос познается не иначе, как *через церковь*: любите прежде всего церковь». В речи г. Достоевского Христос, по-видимому, по крайней мере, до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, даже не справясь с

¹⁰ Об этом см.: Кийко Е. И. Восприятие Достоевским неевклидовой геометрии // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 120—128.

азбукою катехизиса, то есть с самыми *существенными* положениями и *безусловными* требованиями православного учения, приписывать Спасителю никогда не высказанные Им обещания „всеобщего братства народов“, „повсеместного мира“ и „гармонии“».¹¹

Во всех послекаторжных художественных произведениях и в публицистике Достоевский обращался к наследию Белинского, который был для писателя одновременно и союзником, и оппонентом. Полемизируя с Белинским — революционным демократом и атеистом, Достоевский преклонялся перед чистотой нравственного чувства критика и перед его неизменным стремлением прийти на помощь обездоленным. Так, наделяя героев романа «Униженные и оскорбленные» мечтой о «братстве людей», Достоевский напоминал читателям, что этой мечтой была овеяна вся жизнь и деятельность Белинского.¹² В главах «Дневника писателя» 1877 г., рассказав о своем знакомстве с Белинским, Достоевский воскликнул: «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом» (25, 31). Отголоски идей Белинского присутствуют во всех романах Достоевского, начиная с «Преступления и наказания» и кончая «Братьями Карамазовыми». И «бунт» Ивана, и «человеколюбие» Алеши, при всей своей кажущейся противоположности, восходят к гуманизму автора «Письма к Гоголю». О том, что Достоевский воспринял историко-литературную и эстетическую концепцию Белинского, свидетельствует его речь о Пушкине (см. 26, 136—148, 495—503).

Отрицая революцию и первостепенное значение экономического фактора в построении общества, в котором люди были бы братьями, Достоевский в социальной концепции Белинского также подчеркивал стремление критика к воплощению в обществе высоких нравственных идеалов. Он отмечал, что Белинский, «выше всего ценя разум, науку и реализм (...) в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную „гармонию“ (...) Он знал, что основа всему — начала нравственные», что «социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстанавливает ее в неслыханном величии, но на новых и уже алмаментовых основаниях» (21, 10).

Итог своих собственных размышлений на эту тему Достоевский подвел в январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г.: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского; он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (27, 19).

¹¹ Леонтьев К. Собр. соч. М., 1912. Т. 8. Критические статьи. С. 207. Об этом см. также комментарии Г. М. Фриденцера к «Дневнику писателя» за 1880 г. Достоевского (26, 485).

¹² Об этом см.: Кирпичин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 65—71.